

Д. БРОЗОВИЧ

БАЛТИЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ СОЛНЦА И ЛУНЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ РАМКАХ

Названия солнца и луны в балтийских и славянских диалектах и языках, очевидно, нельзя отнести к общим исходным формам, можно даже сказать, что балтийские и славянские названия обладают разными индоевропейскими связями в словообразовательном и семантическом плане. Что же дают нам эти несомненные факты для объяснения объективных языковых отношений балтов и славян?

Вопрос чрезвычайно сложен, в первую очередь потому, что даже в рамках собственно балтийских и собственно славянских языков нет полного согласия, по крайней мере, относительно названия луны; во-первых, в восточнобалтийском ареале и во многих славянских диалектах нет производных от индоевропейской формы **louksnā* или **leuksnā* (а там, где они есть, семантика разная), во-вторых, образования от индоевропейского корня **mē-* неоднородны, в-третьих, разграничить значения 'месяц' и 'луна' почти везде очень трудно. Все эти факты более или менее общеизвестны, но проблематика ими не исчерпывается. Гораздо интереснее сравнить всесторонне балтийские и славянские названия солнца и луны с данными других европейских языков, не только индоевропейских и не только с точки зрения генетического (сравнительно-исторического) языкознания.

Что касается исходных этимологий, то балтийские и славянские названия солнца, как и индоевропейские вообще, происходят от корня со значением 'свет' (или, возможно, от корня со значением, объединяющим понятия света и теплоты); формы от **louksnā* (**leuksnā*) тоже имеют исходное значение 'свет', только от другого корня, а формы от основ **mēnes-*, **mēns-*, **mēs-* происходят от корня **mē-* со значением 'мерить' (гипотеза об исходном значении 'меняться' маловероятна на индоевропейской сравнительной почве).

Этимологические значения 'свет', 'светить' совершенно естественны для небесных светил, т.е. для солнца, луны и звезд, а для солнца еще и значение 'дневной свет, день' (как напр., в венгерском *nap* 1. 'солнце', 2. 'день'). На этом и основывается возможность замены одного значения другим, как напр., в случае этимологического тождества картвельского (или, вернее, карт-

вельско-хамитосемитского) названия солнца и северокавказского названия луны (или месяца)¹. На индоевропейской почве находим албанское название *hyll (yll)* ‘звезда’, этимологически тождественное с одним из индоевропейских названий солнца (**sūl*). В этом плане значение ‘светила’, „*Gestirne*“, свойственное прусскому мн. ч. *lauxnos*, вообще не представляет никакой трудности для сравнения со славянской формой *luná* ‘луна’, тем более, что значение ‘луна’ в славянских языках и диалектах, сохраняющих это слово, как свидетельствуют этимологические, диалектные и сравнительные словари, далеко не общее.

В западославянских языках (кроме вымершего полабского) значение ‘луна’ неизвестно, или является редким, или устарелым (преобладающее значение ‘отблеск, зарево’). То же самое можно сказать о южнославянских языках (кроме словенского и некоторых соседних хорватских говоров) и об украинском. Таким образом, слово *luna* в значении ‘луна’ практически присутствует только словенскому, русскому и белорусскому языкам.

Это подтверждается и данными Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) и Лингвистического атласа Европы (Atlas linguarum Europae — ALE). В Европейском атласе в ответах на вопрос „как называется ‘луна’?“ слово *luna* было получено только в названных трех языках, при этом в белорусском лишь в четырех случаях из 10, а в словенском и русском даже несколько реже (соответственно 5 из 11-ти и 52 из 117-ти). Во всех остальных случаях в славянских диалектах выступают только рефлексы праславянского *měsęcь* или новообразования от этой формы (кроме трех русских изолированных названий: *mal'd'i'k* — 4 раза, *ús'erp* — 1 раз, *tv'Atóx* — 1 раз)², за исключением польских названий типа *księżyc* (которых, впрочем, тоже меньше, чем *miesiąc* и т.п.).

Всё это свидетельствует о том, что слово *luna* существовало в праславянском языке, но значение ‘луна’ не было для него единственным. Следовательно, слово *měsęcь* должно было иметь значение не только ‘месяц’, но и ‘луна’. В данном случае между праславянским и древнепрусским языками разницы нет: в обоих языках существуют формы типа *měsęcь*, *menins* в значении ‘луна’ (в прусском даже известно только это значение), в обоих языках существует образование **louksnā*, которое вторичным путем приняло семантику ‘луна’ в славянском, ‘светило’ в древнепрусском.

¹ Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. I-й. — М., 1976, s. v. *m* / *ž* / *l*, с. 77—78; Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. — М., 1964, s. v. **mz*₁*e*, с. 133—134.

² Приведенные русские примеры даются в транскрипции ALE. Все три формы представляют генерализацию названий для отдельных фаз луны (*tv'Atóx* = искаженная форма от основы *vetóx*- ‘старый’). См.: ALE, t. 1, комментарий к карте 005 „*la lune*“.

По нашему мнению, индоевропейскому „праязыку“ принадлежала только форма **louksnā* (**leuksnā*), присущая праславянскому, западнобалтийскому, праиталийскому и праиранскому языкам (и подобная *λύχνος* ‘светильник’ в греческом), но значение ‘луна’ получило развитие только в италийских и славянских диалектах, и то несомненно поздно и самостоятельно. Таким образом, что касается рефлексов этой формы, то различия между славянским и восточнобалтийским в основном тождественны различиям между восточнобалтийским и западнобалтийским. Относительно же названий от основы **mē-* можно отметить, что балтийские формы взаимно более близки, чем по отношению к славянскому образованию. Но этот факт все же не имеет большого значения. Во-первых, сами зафиксированные балтийские формы тоже нельзя отнести к одному словообразовательному типу; значит, в данном случае разница заключается в основном в степени различия, а не в его сущности. Во-вторых, инвентарь исходных форм в германской ветви в принципе не беднее тех, которые мы находим на балтославянской почве. Тот факт, что балтийские и особенно германские параллельные образования дифференцированы по значению ‘луна’ и ‘месяц’, теряет значение, если принять во внимание, что эта дифференциация непоследовательна, в частности, в балтийских диалектах. Материалы Европейского атласа дают достаточно пеструю картину в германском языковом мире, а в литовских пунктах этого атласа на вопрос „Как называется луна?“ получены следующие ответы (в нормализованном виде): *mēnio* — 26 раз, *mēnas* — 2 раза, *mēnesis* — 8 раз, *mēnulis* — 21 раз, *mēnukas* — 2 раза и *mēnutis* — 1 раз. Здесь комментарии излишни.

Суммируя все, что сказано о названиях луны и о проблематике, связанной с этими названиями, можно сделать вывод, что принципиальную разницу представляет только отсутствие образования **louksnā* в восточнобалтийском, но отсутствие не является абсолютным доказательством в лингвистике.

Есть еще ряд фактов второстепенного значения. Бросается в глаза гомогенный вид славянских рефлексов от основы **mēs-* и гетерогенность балтийских от основ **mēn-* и **mēn(e)s-*, а также последовательность семантической нейтрализации уменьшительных (или ласкательных, задабривающих) названий в славянских диалектах. Но такие и подобные образования встречаются и в балтийских диалектах (напр., приведенные выше литовские формы *mēnulis*, *mēnūtis*, *mēnukas*). С другой стороны, в славянском языковом мире данные формы не так однообразны, как кажется. Европейский атлас фиксирует во всех лужицко-сербских, в шести чешских, двух словацких и четырех польских населенных пунктах рефлексы реконструированной формы **měsečьkь*, кроме того, обнаружены рефлексы **měsečьka* (в белорусском — 2 раза) и **měsečьko* (в украинском — 1 раз). В одном белорусском пункте получена даже форма

m'és'ik, не выводимая из праславянского *měsěcъ*³. Кроме того, рефлексы славянского слова *měsěčina* в значении 'лунный свет, *Mondschein, clair de lune*' во всех македонских и больше, чем в половине болгарских пунктов Европейского атласа приобрели значение 'луна', в одном болгарском пункте в ласкательной форме *mesečina*. Балтийское соответствие находим в латышской форме *mēnesnīca* (1 раз). Семантическая аналогия наблюдается во многих южных и западных немецких пунктах с переходом слова *Mondschein* в значение 'луна', но география этого явления показывает, что мы имеем дело с независимыми процессами. Подобное семантическое развитие находим также в цыганском и венгерском языках, в некоторых прибалтийскофинских языках и в баскском⁴. И наконец, можно добавить, что необходимо всегда считаться с изменчивостью названий. Так, в греческих пунктах Европейского атласа находим только один раз форму *selini* (: древнегр. *σελήνη*), во всех остальных пунктах получены ответы типа *fe/i(n)gar(i)(n)*⁵.

В славянских и балтийских языках названия солнца имеют те же самые проблемы, что и названия луны, разница лишь в том, что эти названия и на балтийской, и на славянской почве гораздо более однородны внутри языковых групп. Однако сами балтийские названия с основой *saul-* и славянские с основой **sьln-* отличаются друг от друга, но не столь значительно, как это кажется на первый взгляд. Различия в степени чередования гласной и различия в альтернации *l, n* или *ln* между славянской и балтийской ветвями (если их, вообще, можно считать двумя самостоятельными индоевропейскими ветвями) не больше, чем в рамках германской ветви⁶. Что касается уменьшительного (ласкательного, задабривающего) образования в праславянском языке, то это различие не является принципиальным, так как, во-первых, в литературе известны многие славянские прилагательные и подобные им формы без суффикса *-ьс-*, а во-вторых, этот суффикс не является единственным в славянских диалектах, так как в обоих указанных атласах встречаются и рефлексы славянского **sьlnьko*, и в-третьих, различия между балтийскими формами без уменьшительного суффикса и славянскими формами с таким суффиксом не могут быть большими, чем различия между французским уменьшительным образованием *soleil* от вульгарнолатинского *soliculum* и другими романскими формами от латинского *sol*. Кроме того, следует иметь в виду, что в прасла-

³ Фонетика белорусской формы *месяц* допускает ложную интерпретацию как рефлекс от **měsьcъ*, что позволяет замену суффикса *-ьс-* другим гомофункциональным суффиксом. Таким образом, речь идет об инновации, а не об архаизме.

⁴ См.: ALE, том 1, комментарий к карте 005.

⁵ См. там же карту и комментарий 005.

⁶ См. там же карту и комментарий 001 „*le soleil*“.

вянском языке „деминутивизация“ с помощью суффиксов, содержащих *-k-*, является привычным средством для упрощения сложных морфологических типов (сравни: *сердце, овца, сладкий* и т.д., включая, впрочем, и *месяц*).

В заключение можно сказать, что при рассмотрении славянских и балтийских названий солнца и луны в сравнительном плане следует обращать внимание не только на различия, но и на сходство. Напр., в отличие от греческой, итальянской, германской и некоторых других индоевропейских языковых ветвей, в балтийских и славянских не использовались названия солнца, луны и других небесных тел (или соответствующих божеств) для названий дней недели, в них существовал собственный, в основном общий способ образования таких названий. Хотелось бы отметить, что проблематика славянских и балтийских названий звезды во многом схожа с рассматриваемой здесь, однако в сравнительном плане существенно отличается, и потому о ней здесь не было речи.